

Малыш Чжоу под руководством Шан Сижую начал тренировки, растягиваясь и разминаясь. Удары и движения были хаотичными, и Чэн Фэнтай отошёл под навес. Шан Сижуй, как всегда, был ленив, хотя этот ученик был его собственной находкой, он всё равно стоял, расслабленно скрестив руки, прислонившись к плечу Чэн Фэнтая, и наблюдал. Иногда он говорил:

— Повтори последнее движение, не сомневайся, когда гнёшься!

Или:

— Руки и ноги должны двигаться одновременно, если опоздаешь на полшага, это будет некрасиво.

Взгляд Шан Сижую был самым строгим испытанием, малейшая ошибка не ускользала от него. Малыш Чжоу, казалось, очень старался, тренируясь с большим усердием. Иногда он не понимал указаний Шан Сижую, но, спросив ещё раз, получал лишь нетерпеливый повтор, без дополнительных объяснений. Малыш Чжоу, не поняв, больше не спрашивал, лишь смущённо кивал. Если он повторял ошибку, Шан Сижуй насмехался:

— Сколько раз я говорил, это не так делается! Ты действительно глуп.

У него было желание воспитать талант, но его терпение быстро заканчивалось. Он даже не хотел учить своих собственных учеников в группе, а Малыш Чжоу был одним из тех, кто лучше всего ему угождал.

Чэн Фэнтай, наблюдая за тренировкой Малыша Чжоу, тихо сказал Шан Сижую:

— Господин Шан, я никогда не видел такого учителя. Чему ты можешь научить? Только находишь ошибки.

Шан Сижуй ответил:

— У Малыша Чжоу есть талант! У него есть потенциал! Так учат тех, кто приходит с опытом. Когда я учился у Цзюлана, было то же самое.

Чэн Фэнтай пожалел Малыша Чжоу:

— Кто может сравниться с тобой? Ты — прирождённый актёр, самоучка, о тебе даже в сплетнях пишут. Сравнить этого ребёнка с тобой — это просто издевательство.

Малыш Чжоу уже был измотан тренировками. Он плохо питался, выполнял много работы и был худым, как скелет. Теперь, после полуночи, он изо всех сил старался, надеясь на быстрый успех, но Шан Сижуй находил ошибки, и он нервничал ещё больше. Внезапно его ноги

подкосились, и он упал на землю. Сяо Лай поспешила помочь ему, но он был так устал, что не мог встать, и с отчаянием прислонился к старой сливе.

Шан Сижуй, смотря на него сверху вниз, вздохнул:

— Иди поешь.

Малыш Чжоу покачал головой, сидя и тяжело дыша.

Шан Сижуй, видя его нетерпение, сказал строго:

— Зачем ты торопишься? Я с пяти лет тренировался с утра до ночи и впервые вышел на сцену в тринадцать. Как ты думаешь, как я жил? Ты столько времени потерял, а сейчас только начинаешь. Зачем ты торопишься?

Сяо Лай, вспоминая тяжёлое детство Шан Сижуй, кивнула, пытаясь подбодрить Малыша Чжоу. Тот посмотрел на Шан Сижуй, затем на Сяо Лай, медленно поднялся, опираясь на дерево, и пошёл с ними перекусить. За этим ужином Малыш Чжоу снял с себя груз переживаний и ел с жадностью, используя обе руки. Чэн Фэнтай, куря сигарету, смотрел на него и сказал Шан Сижую:

— Не знаю, как он поёт, но ест точно как ты.

Малыш Чжоу смущённо остановился. Шан Сижуй ударил Чэн Фэнтая по плечу и сказал Малышу Чжоу:

— Ешь, не обращай на него внимания.

Малыш Чжоу замедлил темп, тщательно пережёвывая пищу. После этого ужина он не знал, когда снова сможет поесть. Он был так же предан еде, как и заботе Шан Сижуй, и почти со слезами благодарности принимал это добро.

При свете лампы Шан Сижуй внимательно осмотрел руки Малыша Чжоу. Они были длинными и гибкими, но пальцы покрыты мозолями и уже начали грубеть. Ни одна актриса в труппе не работала руками, их берегли и холили. Сы Си'эр, который так плохо обращался с ним, похоже, не просто его невзлюбил, а намеренно хотел разрушить его карьеру. Но Сы Си'эр был жаден до денег, зачем ему губить перспективного актёра своей труппы?

Шан Сижуй спросил:

— Почему твой учитель так плохо к тебе относится? Чем ты его обидел?

Это был вопрос, над которым Малыш Чжоу ломал голову:

— Не знаю, я ничего не сделал.

Чэн Фэнтай вмешался:

— Учитель Малыша Чжоу — Сы Си'эр, тот, кому за пятьдесят, который красится, мажет волосы маслом и ведёт себя то ли как сводник, то ли как евнух?

Это описание было настолько точным, что даже Сяо Лай не сдержала смеха.

Шан Сижуй спросил:

— Второй господин, ты его знаешь?

— Сначала не узнал, но потом вспомнил, видел его за игрой в маджонг. Старый, весь в морщинах, а ещё садится на колени, просто мурашки по коже. — Чэн Фэнтай, говоря это, выглядел так, словно его тошнило. — Если это он, то я понимаю, почему Малыш Чжоу страдает.

Все в комнате ждали его объяснения, и Чэн Фэнтай медленно произнёс:

— Зависть.

Все сразу поняли. Учитывая характер Сы Си'эра, это объяснение было логичным. Труппа Юньси воспитывала актёров, которые были хороши, но без изюминки. Малыш Чжоу был полон таланта, и если бы он стал знаменитым, то мог бы затмить самого Сы Си'эра. Такой человек, постоянно находящийся перед глазами Сы Си'эра, вызывал у него только злость. Сы Си'эр потратил свою жизнь впустую и не добился успеха. Теперь он хотел погубить и Малыша Чжоу, чтобы тот никогда не смог прославиться.

Малыш Чжоу, наконец, понял серьёзность ситуации, с трудом проглотил еду и с мольбой посмотрел на Шан Сижую. Тот, однако, предложил смелое решение:

— Не бойся! Сы Си'эр на восемь лет младше моего учителя, ему пятьдесят семь, долго он не протянет! Тренируйся, а когда твой учитель умрёт, ты выйдешь на сцену!

Чэн Фэнтай, услышав это, закашлялся от сигареты:

— Кашля, господин Шан, не надо желать людям смерти. Даже если Сы Си'эр доживёт до семидесяти, это ещё лет десять! Что ты будешь делать все эти годы? Петь два раза в месяц, так

и не прославишься.

— Не будет так, — Шан Сижуй с уверенностью сказал. — Я попрошу Девятнадцатую поговорить с группой Юньси, чтобы они позволили Малышу Чжоу сыграть пару ролей. Может, он и прославится. А если нет, то хотя бы получит удовольствие.

Он похлопал Малыша Чжоу по плечу:

— Но тот, кого я обучаю, обязательно станет звездой!

Шан Сижуй категорически отказывался официально брать Малыша Чжоу в ученики, но втайне делал для него всё, что мог, выполняя обязанности настоящего учителя. Малыш Чжоу был настолько тронут, что чуть не упал перед ним на колени. Шан Сижуй остановил его и спросил:

— Эй! Когда ты выйдешь на сцену, как ты будешь называться? Не можешь же ты остаться Малышом Чжоу.

Малыш Чжоу задумался:

— Я знаю только, что моя фамилия Чжоу.

Чэн Фэнтай подшутил:

— Пусть господин Шан придумает тебе имя? Возьми немного его удачи, точно прославишься.

Шан Сижуй серьёзно задумался. Малыш Чжоу, положив голову на стол, смотрел на него широко раскрытыми глазами, словно получение имени было чем-то великим, словно это сделало бы его звездой. Чэн Фэнтай тоже с интересом ждал, зная, что Шан Сижуй обычно выбирал что-то вроде «Красный», как будто он вышел из публичного дома.

Шан Сижуй серьёзно сказал:

— Актёр должен носить имя, связанное с цветами, особенно если он играет женские роли. Пусть будет Чжоу Сяньюнь!

Чэн Фэнтай сразу же написал эти иероглифы на бумаге и показал Шан Сижую:

— Так?

Шан Сижуй подтвердил:

— Да! Тут и трава, и цветы, пусть будет так.

Он с удовлетворением показал написанное Малышу Чжоу:

— Смотри! Это твоё имя, чтобы потом не забыл.

Малыш Чжоу с любовью посмотрел на иероглифы, сложил бумагу и спрятал её за пазуху, а затем, со слезами на глазах, поклонился Чэн Фэнтаю и Шан Сижую:

— Господин Шан, я обязательно отплачу вам за вашу доброту!

Шан Сижуй задумался, и Чэн Фэнтай подумал, что он сейчас выдвинет какое-то условие, но вместо этого он сказал:

— Тогда больше не приноси мне кислых фруктов, в прошлый раз острые утиные шейки были хороши, принеси их в следующий раз.

<http://bllate.org/book/15435/1368610>